

Ф. В. Булгарин

Полное собрание сочинений

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. В. Булгарин**
Полное собрание сочинений: Том 3 / Ф. В. Булгарин – М.: Книга по Требованию, 2019. – 339 с.

ISBN 978-5-518-08671-5

Новое, сжатое (компактное) издание, исправленное и умноженное.
Записки Чухина и Мазепа.
Издание М.Д. Ольхина.

ISBN 978-5-518-08671-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА БЕЗЪ НУМЕРА,

ВАЖНѢЕ ВСѢХЪ НУМЕРОВАННЫХЪ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ:

ПИСЬМО СОЧИНТЕЛЯ КЪ ИЗДАТЕЛЮ ЕГО КНИГИ, ЖУРНАЛИСТУ.

*Черезъ законъное стекло и бѣлая бумага кажется
черною. АКСІОМА.*

Остроумцы прошлаго вѣка, предложили тяжеловѣснымъ ученымъ задачу: *носъ ли созданъ для табакерки, или табакерка для носа?* — Ученые назвали эту шутку глупою. Я же, напротивъ того, полагаю, что это вовсе не шутка, но настоящая философская задача, достойная того, чтобъ и ученые и умные поломали надъ ней голову, какъ ни глупъ кажется вопросъ, съ перваго взгляда. Нѣтъ сомнѣній, что носъ созданъ въ природѣ не для табакерки; но человекъ гражданственный такъ отдалился отъ природы и сдѣлался такимъ страннымъ существомъ, набралъ такихъ смѣшныхъ привычекъ, раздурялся такими безтолковыми страстишками, набилъ голову такими дикими

идеями, что смотря на иныхъ людей, поневолѣ спросишь себя: носъ ли созданъ для табакерки, или табакерка для носа? кафтанъ ли созданъ для спины, или спина для кафтана? голова ли для шапки, или шапка для головы? домъ ли для хозяина, или хозяинъ для дома? и такъ далѣе. Подобными вопросами можно было бы нагрузить цѣлый паровой дилижансъ, который будетъ ходить по предполагаемой чугунной Московской дорогѣ, и выслатъ изъ Москвы такой же дилижансъ, съ отвѣтами. Если бъ эти два паровые дилижанса, съ вопросами и отвѣтами, встрѣтились въ Валдайскихъ Горахъ, стукнулись другъ о друга и лопнули, то изъ всего груза уцѣлѣла бы одна истина, а именно:

что: *прилагательное* въ свѣтъ весь-
ма часто важнѣе *существительна-*
го. Напримѣръ: *бокаль*. Какой?
Есть различныя. *Золотой!* — А, а!
Съ чѣмъ? — Съ *шампанскимъ*. О, о!
Другой примѣръ: *человѣкъ*. Что за
человѣкъ? Есть всякіе люди! — Съ
милліономъ рублей годоваго дохо-
да. Мое почтеніе! — *Въ милости* у
сильныхъ. Покорнѣйшій слуга! —

Оставляя поясненіе этой важной
задачи людямъ ученымъ и привилле-
гированнымъ остроумцамъ, перехо-
жу къ дѣлу, неважному для свѣта,
по весьма важному — для меня, а
именно къ моей книгѣ.

Я, право, не могу рѣшить: книга
ли написана для *предисловія*, или,
напротивъ того, *предисловіе* для
книги!

Сознаюсь всенародно, что книга
моя не есть *Романъ*. Въ Романъ тре-
буются развитіе характеровъ, сцѣп-
леніе происшествій, интрига, завяз-
ка и развязка. Всего этого нѣтъ
въ моей книгѣ, слѣдовательно, она
не *Романъ*.

Книга моя не *Исторія*: это само
по себѣ разумѣется, безъ всякихъ
поясненій.

Книга моя не *быль*, рассказанная
по слухамъ или по видѣнному и при-
веденная въ формы повѣсти. *Во-*
первыхъ, я выдаю *все*, за выдуман-
ное мною, а *во-вторыхъ*, въ книгѣ
моей нѣтъ ни какихъ формъ. Она
неформенная.

То есть, одна глава въ ней похо-
жа на Романъ, другая на Повѣсть,
третья на Исторію, четвертая на
разговоръ очевидца, пятая на мемоа-
ры, шестая, седьмая, восьмая ни на
что не похожи. Тутъ слогъ романи-
ческой, тамъ исторической, тамъ
эпистолярный, далѣе велеученый.

Кое-гдѣ мысль, кое-гдѣ чувство,
тутъ правда, тутъ выдумка или до-
гадка, ну словомъ, сущая *чуха!*.....
Стой! Вотъ какъ находятъ правду!
— Думаешь, думаешь, а правда не
ложится подѣ перо, а тамъ, глядь,
и капнетъ съ пера! — Книга моя
есть *чуха*, и я, подобно баронамъ
среднихъ вѣковъ, принялъ названіе
по имению, по моей книгѣ, и назвалъ
ся *Чухинъ*. А какъ у насъ еще не
опредѣлена Русская просодія, то я
прошу васъ покорнѣйше произно-
сить мое прозваніе съ удареніемъ
на послѣдній слогъ, на *инъ*. Это
маленькое кокетство съ моей сто-
роны, довольно простительное въ
такомъ важномъ дѣлѣ, какъ про-
званіе.

Неужели вы спросите меня, за-
чѣмъ я не выставилъ, на заглавномъ
листѣ, моего настоящаго имени?
Если спросите, то я вамъ скажу въ
ответъ, что и вы сами гораздо луч-
ше бы сдѣлали, если бъ писали
подѣ вымышленнымъ именемъ. —
Разумѣется, что я не говорю здѣсь
отъхъ псевдонимахъ, которые скры-
ваются для того только, чтобъ при-
дать себѣ болѣе мнимой важности
и которыхъ настоящее имя объявля-
ютъ каждому сидѣльцу книжной
лавки. Не говорю я и о тѣхъ псев-
донимахъ, которые пишутъ подѣ
вымышленнымъ именемъ, для шу-
тки, вещи забавныя и шуточные,
впрочемъ безъ всякаго притязанія
и мнимой скрытности. Нѣтъ, я со-
вѣтовалъ бы вамъ скрыть настоя-
щее свое имя такъ, какъ я скрылъ
его. Вымышленнымъ именемъ за-
крылся я, какъ эгидою, отъ всѣхъ
непріятностей авторства: отъ глу-
пыхъ критикъ, глупыхъ толковъ и
безтолковыхъ приговоровъ о моихъ
способностяхъ, характерѣ, рѣчахъ,

мысляхъ и даже о моемъ образѣ жизни. Объ авторѣ позволяется въ обществахъ такъ же свободно толковать, какъ о погодѣ. За оскорбленіе станціоннаго зрителя назначенъ штрафъ, а величайшая обида, сдѣланная самому знаменитому автору, доставляетъ славу обидчику и ставить его, въ общемъ мнѣніи, почти наравнѣ съ обижаемымъ. Здѣсь дѣло не о личностяхъ, которыхъ быть не можетъ въ благоустроенномъ государствѣ, но о позволенномъ вездѣ и всегда. Что думаетъ авторъ, издавая книгу въ свѣтъ, или печатая статью, стихи въ журналъ? Разумѣется, онъ думаетъ, что книга, статья или стихи превосходны, исполнены ума. Иначе онъ бы не печаталъ своего труда и не подписывалъ своего имени. Вдругъ начинаютъ ему доказывать всенародно, что его книга или статья глупа, глупешенька, а стихи вдвое глупѣе. По мнѣнію толпы, это уже доказано, и авторъ, безъ всякихъ личностей, самымъ вежливымъ образомъ произведенъ въ дураки. Сказать автору, что онъ глупъ (т. е., что произведеніе его мозга глупо), есть тоже, что сказать воину, что онъ трусъ, купцу, что онъ банкротъ, судья, что онъ пристрастенъ.— Но дѣлать нечего! Кто объявляетъ, всенародно, притязаніе на умъ и продаетъ его въ лавкѣ, тотъ долженъ подвергаться прихоти всѣхъ и cadaго!

Но есть еще другія непріятности, сопряженныя съ именемъ автора. Величайшіе глупцы въ мірѣ почитаютъ себя умниками, и каждый бумагомаратель, Парнасскій и канцелярскій, вѣрять, что ему стоитъ только захотѣть, чтобъ написать лучше самаго знаменитаго автора.

Слава Богу, что всѣмъ этимъ господамъ *недосугъ* заниматься Словесностью! Но за то всѣ они отъявленные враги автора, которому посчастливилось понравиться большому числу читателей. У разумниковъ языкъ остеръ, а у глупцовъ ядовитъ. Не убережешься!—Теперь положимъ, что вы признаны *умнымъ* *человѣкомъ*, и что глупцы не успѣли повредить вамъ. Что жъ вы сдѣлаете съ вашимъ умомъ?—Хотите оставаться авторомъ, такъ должны отдать умъ своей *на комиссію* книгопродавцамъ, съ уступкою двадцати и тридцати процентовъ, или продать имъ, по тридцати копѣекъ за рубль, а сверхъ того вы должны подчиниться ихъ волѣ и расчетамъ. Спрашивается: кто же умнѣе?—Разумѣется, тотъ, кто наживается чужимъ умомъ, не издерживая своего, а умъ вашъ поступаетъ въ собственность книгопродавцевъ, и вы попадаете добровольно въ дураки.—Хотите служить?—слушайте моего сосѣда. Онъ божится и клянется, что литераторы неспособны къ дѣламъ; что они разсѣяны въ должности; сжаты въ изложеніи дѣла; часто дремлютъ надъ гербовой бумагой, а еще чаще сказываются больными; что умъ литературный не пригоденъ въ дѣлахъ и прочее.— Не знаю, правду ли говоритъ мой сосѣдъ, но ему многіе вѣрятъ.— И такъ, что жъ дѣлать съ этимъ умомъ? Забиться въ захолустье, или, напротивъ, пуститься въ свѣтъ?— Да вѣдь тамъ можно обойтись и безъ ума: тамъ литературный умъ, не потребность, а роскошь, и часто вредная роскошь.

И точно, этотъ умъ болѣе вреденъ хозяину своему, нежели полезенъ. Въ обществахъ неохотно при-

нимаютъ литературный умъ. Во-первыхъ, потому, что отъ него нѣтъ вовсе пользы *въ житейскомъ быту*, т. е., въ дѣлахъ и дѣлишкахъ; а во-вторыхъ, что этотъ умъ страшень толпѣ. Одинъ боится, чтобъ съ него не списали портрета въ романъ или комедіи; другой страшится насмѣшки; третій опасается, чтобъ не потерять своего вліянія въ обществѣ, четвертый не хочетъ припомнить о своемъ существованіи, потому что у него *рыльцо въ пушку*, и такъ далѣе. А дамы?—О дамахъ я ничего не смѣю говорить. Place aux dames! — Вѣдь умныхъ любятъ только умные люди, слѣдовательно, литературному уму и тѣсно и душно въ свѣтскихъ обществахъ.—Спасибо Пушкину за его стихъ:

«Мнѣ душно здѣсь, я въ мѣся хочу!»

Онъ вырѣзанъ на моей печати, и я повторяю его почти ежедневно.

Теперь вы спросите меня: зачѣмъ же съ такими понятіями объ авторствѣ, о умѣ, о книгахъ, написалъ я книгу!—Вотъ это, признаюсь, мудреный вопросъ!

За чѣмъ написалъ я книгу! Право незнаю! Много ли вы найдете книгъ, которыя написаны съ цѣлью? Большая часть книгъ, точно также пишется, какъ и читается, безотчетно! Но когда вы непременно требуете у меня отчета, то я долженъ сказать что нибудь. Благоволите выслушать терпѣливо.

Когда вы изволили объявить, что выйдутъ въ свѣтъ мои *Записки*, весьма многіе подумали, что книга моя будетъ жестокая сатира на нравы, рядъ каррикатуръ, сцѣпленіе комическихъ сценъ. Такіе толки слышалъ я въ свѣтъ. Господа толкующіе забыли вовсе, что *простая исторія*

обыкновенной жизни не можетъ и не должна быть сатирой и карриатурой. Въ *простой исторіи* *обыкновенной жизни* могутъ быть только *рѣзкія черты нравовъ*, и мнѣ кажется, что онѣ есть здѣсь. Указывая на эти рѣзкія черты нравовъ, я старался извлечь изъ нихъ благія послѣдствія, т. е., нѣсколько мудрыхъ правилъ и правоченій для утѣшенія челоуѣчества.

Въ книгѣ моей вы увидите, что нѣсколько добрыхъ, благородныхъ, великодушныхъ людей страждутъ, а нѣсколько злыхъ торжествуютъ. Это выведено для того, чтобъ предостеречь отъ поспѣшности въ сужденіяхъ на счетъ ближняго. Вы слышите дурное о челоуѣкѣ; вы видите его въ несчастіи, подъ бременемъ подозрѣнія въ дурномъ поступкѣ, въ зломъ умыслѣ — удержитесь съ вашимъ судомъ! Ради Бога, помедлите! Изслѣдуйте, обдумайте, справьтесь сто разъ! Чести легко лишить, но трудно возратить ее! — Будьте снисходительны къ слабостямъ челоуѣчества, ради Бога, будьте снисходительны! Отцы наши говорили: «кто Богу не грѣшенъ, Царю не виновать?» — И точно правда.—Всѣ мы ошибаемся и весьма часто, и только та бѣда, что мы замѣчаемъ чужія ошибки, а не видимъ своихъ собственныхъ. Правда стара какъ свѣтъ, и отъ того хороша. Правда, какъ Венгерское вино, чѣмъ старѣе, тѣмъ лучше. А формы, въ которыя правда облекается какъ женщина, чѣмъ моложе, тѣмъ лучше.

Въ книгѣ моей вы увидите, что женщины лучше мужчинъ, вездѣ и всегда, во всѣхъ состояніяхъ и даже въ самомъ несчастномъ. Вы можете вѣрить этому или не вѣрить. Это мнѣ все равно — но я убѣдился въ

этомъ долговременнымъ опытомъ, наблюдениемъ и повѣркою съ разсказами стариковъ, которые прошли жизненное поприще между терниемъ и острыми камнями. — Да, милостивый государь, женщины нѣжныя, сострадательныя, великодушныя мужчинъ, и едва ли не столь же мужественны, какъ мужчины, хотя не такъ храбры. Женщина не бросится на пушки, но она выдержитъ величайшее бѣдствіе изъ любви, изъ дружбы, изъ родительскаго чувства. Вѣрите ли вы въ истинную любовь? Если вѣрите, такъ вѣрте же, что она живетъ только въ сердцѣ женщины. Мужская любовь есть не пламя, а только теплота, сообщаемая намъ женскимъ сердцемъ. — О силѣ этой любви вы можете судить по тому, что она укрощаетъ самое неукротимое животное — человѣка! — Если бъ кто нибудь раздѣлилъ исторію человечества надвое, и написалъ особо исторію мужчинъ, и особо исторію женщинъ, то одно сочиненіе походило бы на кровавую мелодраму, (въ родѣ *Тридцать лѣтъ или жизнь игрока*), а другое на пльнительную Россиніевскую или Моцартову оперу. Извините! Я страстно люблю Италіанскую оперу, и терпѣть не могу кровавыхъ мелодрамъ.

Однако жъ въ книгѣ моей вы найдете мало любви. Это отъ того, что ее весьма мало въ обыкновенной жизни. Любовь погребена въ женскомъ сердцѣ. Весьма немногіе изъ мужчинъ ищутъ ея, и потому весьма немногіе ее находятъ. — Притомъ же, какъ слово *червонецъ* не имѣетъ ни цѣны, ни вѣсу, въ книгѣ, такъ точно и любовь самая пустая и самая скучная вещь, въ печати. Воля ваша, но, по моему мнѣнію, даже

Новая Элоиза и Вертеръ — не что иное, какъ каррикатуры любви! — Эти театральныя свиданія, эти длинныя объясненія, словесно и письменно, эти судорожныя страданія, эта борьба долга и чести съ сердцемъ, все это несносно, вяло, скучно, смѣшно и притомъ суцая ложь. Во всемъ этомъ нѣтъ ни капли натуры. — Истинная любовь слѣпа, нѣма, глуха на все и для всѣхъ, а занимательна только для самой себя. — Кто въ состояніи описать прелести своей любовницы, тотъ не любить ее истинною любовью. Кто можетъ краснорѣчиво разговаривать съ своей любовницей или писать къ ней связно, тотъ не любить ее истинною любовью. Наконецъ, кто мастерски описываетъ любовныя сцены и приключенія, тотъ никогда не чувствовалъ истинной любви. — Истинная любовь изображается только въ простодушной, безыскусственной народной поэзіи, въ пѣсняхъ простонародныхъ. Вы помните пѣсню, которую великій Мольеръ приводитъ въ своемъ *Мизантропѣ*? — Вотъ тамъ истинная любовь! — И у насъ на Руси есть такія пѣсни, напримѣръ:

«Тебя любилъ,
Счастливымъ былъ.
Любить не сталъ,
Безсчастенъ сталъ!»

Стихи плохіе, а чувство неподдѣльное! — Или вспомните пѣсню:

«Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди!»

Изъ образованныхъ поэтовъ Русскихъ, только у двухъ пробивается истинная любовь и неподдѣльное чувство: у И. И. Дмитріева и у В. А. Жуковскаго. У всѣхъ прочихъ хорошо, красно, живо — но не лю-

бовь, а напротивъ того, или изступленіе или—вода! Любовь есть поэзія вселенной, пѣсня мірозданія. — Она можетъ отразиться въ земной поэзіи, но никогда не можетъ быть описана въ прозѣ. Даже у Вальтеръ-Скотта любовь послѣднее дѣло въ романѣ, родъ жертвы требованіямъ общества. Такъ я думаю, и прошу еще разъ извиненія, если ошибаюсь.

Въ книгѣ моей вы увидите, что нищета есть большое несчастье, но что и богатство требуетъ другихъ условій, чтобъ сдѣлать человека счастливымъ. Если вы скажете, что это старая мысль, то скажете правду; а я буду отвѣчать стихами Карамзина, изъ подражанія его Экклесиасту:

«Ничто не ново подъ луною,
Что было, есть и будетъ ввѣкъ.»

Главное въ томъ, какъ развернута старая мысль, и къ чему примѣнена. — Въ книгѣ моей я прошу у людей состраданія къ нищеть, которая иногда и добраго человека доводитъ до порока. Я прошу на колѣняхъ, людей, чтобъ они были людьми.

Въ книгѣ моей описаны ходъ и измѣненія *общаго мнѣнія*. Что такое *общее мнѣніе*? Важная задача!—Это самое непостижимое существо: строгое, неумолимое, злое, несправедливое, легковѣрное и вмѣстѣ съ тѣмъ доброе, великодушное, правосудное и обманчивое!—Оно подобно доброй и умной женщинѣ, иногда благосклонно къ тѣмъ, которые за нимъ крѣпко ухаживаютъ; но благосклонно единственно изъ суетности или деликатности, а отдаетъ сердце свое только достойному, иногда очень поздно, а иногда даже за гробомъ

читать память человека, въ чувствахъ котораго ошибалось при его жизни.—Кто имѣетъ дѣло съ *общимъ мнѣніемъ*, тотъ долженъ быть твердъ какъ гранитъ и терпѣливъ какъ волъ (извините за сравненіе!). Въ то самое время, когда вы страждете и жалуетесь на несправедливость, гдѣ нибудь на *Козьемъ Болотѣ* *, въ тѣсной комнатѣ, при свѣтѣ ночника, сидитъ невѣдомый и безыменный писецъ, который приводитъ *общее мнѣніе къ одному знаменателю*, и грянетъ въ потомствѣ, какъ грозная труба. Берегитесь и утѣштесь!

Въ книгѣ моей вы найдете мысли мои о воспитаніи, о любви къ отечеству, о служеніи ему, и проч. Если въ этихъ мысляхъ есть хотя одно слово, которое не излилось изъ чистой, прямой любви къ отечеству, къ порядку и благоустройству отечества, то да превратится это слово въ ядъ для меня одного....

Теперь понимаете ли, съ какою цѣлью писана моя книга?—Если не захотите понять, то я подамъ аппеляцію къ невѣдомому и безыменному писцу, на *Козьемъ Болотѣ*!

Послѣ всего этого вамъ остается рѣшить: носъ ли созданъ для табакерки, или табакерка для носа? или, предисловіе ли написано для книги, или книга для предисловія?

Принявъ на себя изданіе моей книги, вы взяли на себя и ответственность за нее предъ строгими литературными судьями. Видя, что васъ бранятъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ непрерывно, почти во всѣхъ Журналахъ, и что вы отъ этого не только не худѣете, но, напротивъ того,

* Такъ называется часть города, въ Коломнѣ.

толстѣете, я предполагаю, что эта
брань служить въ пользу вашего здо-
ровья. Надѣюсь, что и моя книга
доставитъ вамъ нѣсколько порядоч-
ныхъ пріемовъ этого пищеваритель-
наго лекарства, которое даетъ вамъ

здоровый цвѣтъ лица и производитъ
въ васъ веселое расположеніе духа,
чего желая вамъ усердно, честь имѣю
быть вашимъ покорнымъ слугою

Веніаминъ Чужинъ.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ
ТИТУЛЯРНАГО СОВѢТНИКА

ЧУХИНА,

ИЛИ ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ ОБЫКНОВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА I.

ПЕСЧАТЫЙ.

Много было писано и говорено о пользѣ и вредѣ отъ сосредоточенія всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ государства въ одной точкѣ, въ столицѣ. Я имѣю свой образъ мыслей на этотъ счетъ, но какъ меня никто объ немъ не спрашиваетъ, то мнѣ и не слѣдуетъ мѣшаться не въ свое дѣло.

Какъ бы то ни было, по всѣмъ намъ извѣстно, что со времени основанія Петербурга, всѣ жизненные соки Россіи переливаются, непрерывно, къ устью Невы, а потому не мудрено, что эта столица, въ такое краткое время своего существованія, достигла высшей степени блеска и благосостоянія. Петербургъ есть прививная вѣтвь на исполинскомъ деревѣ, вѣтвь, приносящая сладкія плоды образованности. На эту счастливую вѣтвь направлены, искусственно, всѣ солнечные лучи, которые, въ отраженіи своемъ, согреваютъ и освѣщаютъ цѣлое дерево.

Но и на этой счастливой вѣтви есть мѣста темныя, покрытыя плѣсенью. Роскошь, богатство, просвѣщеніе, утонченность жизни и нравовъ, блистающіе въ нѣдрахъ столицы и отражающіеся во всѣхъ свѣтлыхъ концахъ Россіи, не проникаютъ лучами своими въ нѣкоторые изъ грязныхъ переулковъ отдаленныхъ частей города. Есть люди, которые въ роскошномъ, прихотливомъ Петербургѣ живутъ какъ въ Камчаткѣ или въ Березовѣ!

На Петербургской сторонѣ въ Н. Н. переулкѣ стоялъ домикъ, погрязшій по окна въ болотъ, неприступный осенью и весною какъ Голландская крѣпость. Воображеніе воспламеняется и слова льются при видѣ роскоши, вкуса и богатства въ убранствѣ чертоговъ, но зрѣлище пишеты сушить умъ и наполняетъ сердце тѣмою горестью. Жалки тѣ, которые хотятъ смѣшнить зрѣлищемъ бѣдности! Скажу только, что въ грязномъ домикѣ, о

которомъ идетъ рѣчь, не было ни малѣйшихъ признаковъ преобразованія Россіи Петромъ Великимъ, не было никакихъ слѣдовъ открытія Америки и краткаго пути въ Восточную Индію. Русское дерево и Русская глина составляли весь матеріалъ строенія, украшенія и домашней утвари. Русской языкъ господствовалъ въ этомъ домикѣ. По-Русски тамъ молились Богу — и плакали.

Была осень. Вѣтеръ свистѣлъ въ скважины ветхой крыши и стучалъ ставнями. Лампада, теплившаяся передъ образомъ, разливала блѣдный и тусклый свѣтъ въ низкой комнатѣ. Часовъ не было въ домѣ, но дремота старой, глухой служанки, сидѣвшей возлѣ печи, означала поздній вечеръ. Въ углу, на кровати, подъ нагольнымъ тулупомъ, лежалъ блѣдный, истощенный старецъ, сѣдой какъ лунь, изсохшій какъ скелетъ. Передъ нимъ стояло двое дѣтей его: юноша лѣтъ девятнадцати и дѣвочка лѣтъ десяти, полныя, здоровыя, но въ горести, въ уныніи, со слезами на глазахъ. Большой долго смотрѣлъ на нихъ въ безмолвіи, тяжело вздыхалъ, но не могъ плакать. Долговременная грусть изсушила его слезы. Наконецъ онъ сказалъ:

— «Пришелъ послѣдній часъ мой, любезныя дѣти! Чувствую приближеніе смерти. На сердцѣ моемъ лежитъ тяжесть, какъ холодный свинецъ....»

Дѣти зарыдали и бросились цѣловать руки несчастнаго.

— «Мужайтесь, дѣти!» продолжалъ большой: «Вы еще молоды; но чело-вѣкъ скорѣе созрѣваетъ въ бѣдствіи, и вы отъ колыбели осуждены были претерпѣвать нищету и равнодушіе людей къ нашимъ несчастіямъ. Вы должны уже закалиться душою. Мать ваша счастливѣе меня. Отходя въ вѣчность, она оставила васъ ниѣ — а мнѣ не кому поручить васъ — кромѣ Бога! — Ничего не оставляю

вамъ, ни воспитанія, ни состоянія — ни даже добраго имени!....»

Нѣсколько слезъ, послѣднихъ въ жизни, показалось при сихъ словахъ на померкающихъ глазахъ старика. Онъ тяжело вздохнулъ и продолжалъ:

— «Такъ, любезныя дѣти, люди лишили меня послѣдняго куска хлѣба, лишили меня средствъ воспитать васъ, но не могли исторгнуть чувства любви къ чело-вѣчеству... Прощаю врагамъ моимъ!... Не хотѣлъ бы я вспоминать объ нихъ въ эту торжественную минуту, когда готовлюсь предстать предъ Высшаго Судію, знающаго мою невинность; но я обязанъ очистить себя предъ вами, чтобъ вы, вступя въ свѣтъ, не гнушались памятью отца, услышавъ клевету, которая вѣрно будетъ преслѣдовать меня даже за гробомъ!.... Ты, Веніаминъ, уже въ такихъ лѣтахъ, что можешь понимать меня. Слушай! —

— «Отецъ мой былъ откупщикъ. Счастливыми оборотами и дѣятельностью онъ, изъ простаго цѣловальника, сдѣлался, въ короткое время, товарищемъ своего хозяина, потомъ заступилъ его мѣсто и вскорѣ разбогатѣлъ до того, что имѣлъ около трехъ милліоновъ наличными деньгами. Въ это время овладѣлъ сердцемъ его демонъ гордости и тщеславія. — Онъ зажилъ роскошно, сталъ водиться съ знатными господами и, наконецъ, вздумалъ жениться на дворянкѣ. Одинъ промотавшійся дворянинъ рѣшился продать ему дочь свою. Отецъ мой женился, но не былъ счастливъ въ супружествѣ. Родственники жены грабили его, объѣдали и презирали. Они пагубными совѣтами смущали неопытную мать мою, и внушили ей страсть къ роскоши, къ мотовству. Завсѣпожертвовавшаго отецъ мой даже не наслаждался любовью моею матері!.... Не будучи въ состояніи заниматься дѣлами при разсѣянной жизни, при безпрестанныхъ торжествахъ, балахъ, пирахъ, отецъ